

Что же мы делим?

Ход российских реформ многими рассматривается сквозь призму приватизации. Идут бесконечные споры о том, правильно ли мы делим государственную собственность или неправильно, справедливо или несправедливо, приведет ли в реальности состоявшийся передел к росту эффективности производства или нет. Но при этом, по сути дела, не был поставлен вопрос: «А что, собственно говоря, мы делим, какую собственность, чью?». Между тем ответ на этот вопрос не столь очевиден, как кажется.

Партия-государство и собственность

Долгие годы обо всей собственности, нас окружающей, мы знали, что она общенародная (государственная) или государственная (общенародная). Пишущие на эту тему часто меняли местами слова в скобках и за скобками, полагая, что «от перемены мест слагаемых сумма не меняется». Такая двойная формула была зафиксирована и в Конституции СССР 1977 года. Но в начале перестройки она была подвергнута сомнению, точнее — законные вопросы вызвало утверждение об «общенародности» собственности. Появились работы о том, что понятие «отчуждение» свойственно не только капитализму, что у нас трудящиеся, по сути, отчуждены от собственности на средства производства, что собственность эта лишь государственная, а отнюдь не общенародная¹. Более того, для народа она просто «ничья», отсюда и столь варварское к ней отношение.

Стало ясно, что существующая система собственности не дает шансов для эффективного использования накопленных богатств. Первые робкие поиски 1987—1989 годов в деле модернизации отношений собственности вылились в попытку провести дифференциацию государственной собственности по уровням ее использования. Например, железные дороги предлагалось объявить собственностью всего Советского Союза, определенные заводы и фабрики — собственностью отдельных республик, а, скажем, городской транспорт — собственностью муниципалитетов. Боровшийся с республиками Союз вынужден был сдавать одну позицию за другой, и в итоге не стало ни союзной собственности, ни Союза.

Эти поиски — уже история. Но все же они так и не прояснили сути дела, которая была весьма закамouflирована. Об этом свидетельствует и сама двойственность формулы — государственная (общенародная) собственность. О сомнительности тезиса «общенародная» уже сказано. Но столь же сомнителен, по-моему, и тезис, что эта собственность была государственной в том смысле, в

¹ См., например, Кузьминов Я. И., Набиуллина Э. О., Радаев Вад. В., Субботина Т. П. Отчуждение труда. История и современность. М., 1988.

каком термин «государственная собственность» употребляется в так называемых «цивилизованных странах».

Ведь государство у нас было довольно специфическое. В. Ленин и его соратники создали тоталитарную, по сути своей надличностную систему во главе с партией-государством, в которой на службу коммунистической идеологии были поставлены все материальные и духовные силы страны. Так что таинственную государственную (общенародную) собственность точнее было бы назвать собственностью Системы. И как таковая она обусловила существование в стране специфических общественных отношений, не сводимых к отношениям, сопровождающим существование государственной собственности и на Западе, и в странах «третьего мира».

Специфика собственности Системы заключалась в первичной концентрации доходов от всех видов деятельности и от эксплуатации природных ресурсов в руках партии-государства с последующим предоставлением каждому, служащему Системе, доли в соответствии с его местом в сложившейся иерархии социально-политических отношений. Советское законодательство было сориентировано на охрану и укрепление именно этой специфической формы собственности.

Одной из важнейших черт, необходимо присущих собственности Системы, была ее монопольность. Партии-государству важно было контролировать всю собственность, имеющуюся в стране. Это успешно удавалось делать не только в рамках так называемой «государственной (общенародной) собственности», но и путем полнейшего контроля кооперативной (колхозной) собственности, которая в советское время фактически никогда не была независимой.

Партийные и государственные органы оказались у нас в стране столь переплетенными, что речь шла всегда именно о партийно-государственном управлении, в том числе и собственностью. Директивы пятилетних планов сперва утверждались на партийных съездах и лишь затем выносились на Верховный Совет СССР. Во всей иерархии управления народным хозяйством главенствующее положение занимали именно партийные органы: от экономического отдела ЦК КПСС, дававшего директивы Госплану, до обкомов, горкомов и райкомов КПСС, сосредоточивших и реальные рычаги управления экономикой, и реальную хозяйственную власть. Там была на деле та самая хозяйственная управленческая вертикаль, которая окончательно рухнула с развалом Системы в 1991 году. Не случайно в декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов СССР Н. Рыжков обвинял реформаторов в разрушении идеологии, повлекшем за собой крушение экономики, отмечая, что «приоритет идеологии над экономикой — это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей. Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устой»². Уже один этот факт свидетельствует о большой специфичности отношений собственности в нашей стране.

Это относится не только к вопросу о способах управления собственностью, но и к проблеме критериев эффективности ее использования. Ранее привычные представления в этой сфере сегодня рушатся, рождая трагедии непонимания, неумения, невозможности приспособиться к новым условиям. Рыночные критерии управления собственностью, при которых степень успеха непосредственно выражается в категориях прибыли, рентабельности и т. п., практически не действовали³. Этим государственная собственность в СССР всегда коренным образом отличалась от такой же собственности западных стран. Там менеджер государственного предприятия даже в традиционно дотационной отрасли не может и представить себе условия, в которых его работа не оценивалась бы в соответствии со строгими требованиями

² «Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Бюллетень № 5. 19 декабря 1990 г.». М., 1990, с. 24.

³ В обиход вошли псевдоэкономические формы, такие как квартальная премия, «тринадцатая зарплата» и т. п. Однако привычка к ним сегодня, скорее, мешает становлению подлинно экономической мотивации: люди десятилетиями привыкали, что дополнительный доход (премия) не очень-то связан с трудовым вкладом и общими успехами предприятия.

рыночной экономики, предполагающими борьбу за максимизацию прибыли и минимизацию издержек.

Соображения, которым следовали наши руководители и по которым оценивалась их работа, обычно находились отнюдь не в экономической области. Здесь фактически не было места экономии ресурсов (хотя формально борьба за такую экономию велась, но реальная хозяйственная жизнь делала выгодным завышение фондо-, материало-, трудоемкости продукции), заботе о повышении качества продукции (кампании борьбы за повышение качества, за «знак качества» оставались всего лишь кампаниями) и всему тому, что составляет необходимый компонент борьбы собственника за выживание в рыночном мире. В СССР успешность предприятия оценивалась не только по народнохозяйственным (процент выполнения и перевыполнения плана и т. п.), но и по идеологическим критериям. Сюда можно отнести также и показатели отчетности перед партийными органами по выполнению различного рода «шефских» обязанностей — поставок «рабочей силы» на самого разного рода принудительные работы от помощи селу до уборки улиц, — требовавших больших материальных затрат.

Это был привычный в рамках собственности Системы способ перераспределения, породивший укоровившееся иждивенчество у получавших такую «помощь» отраслей. Прекращение такой практики, связанное с крушением КПСС, очень болезненно на них сказалось, привело к появлению не только у их руководителей, но и у рядовых работников чувства ностальгии по «добрым старым временам». Потому что такая практика была органически присуща управлению собственностью как специфического образования, позволявшего манипулировать ресурсами в масштабах всей страны прежде всего в интересах поддержания стабильности Системы.

С собственностью Системы связана и еще одна особенность хозяйства страны, делающая сегодня переход в новое качество таким мучительным. Удобствам перераспределительной политики служил порядок, согласно которому топливо, сырье и другие природные ресурсы в стоимостном выражении получали ничтожную оценку, совершенно не отражающую их реальную ценность. Собственно, природные ресурсы и были основным источником богатства Системы, особенно после того, как у нее оказались резко ограниченными возможности использования дарового труда в постсталинский период.

В результате сложилась хозяйственная практика расточительного расходования материальных ресурсов. Положение не изменилось и в 70-е годы, когда стала очевидной потребность не только в ресурсосбережении, но и во введении в оборот экономических критериев природоохранной деятельности. Сегодня попытки перейти на рыночные рельсы сталкиваются именно с этими проблемами. Пересмотр цен на сырье, переход к экономическим, а не административно-хозяйственным оценкам в этой сфере ставит множество предприятий за грань выживания, рождает социальную напряженность в трудовых коллективах, тоску по временам, когда Система позволяла использовать практически даровые топливо и сырье.

Кто был собственником?

Определив существовавшую в нашей стране собственность как собственность Системы, мы встаем перед вопросом: а кто же в таком случае был собственником, точнее — извлекал выгоды из этой собственности? Наиболее популярен ответ — партийно-государственная номенклатура. «„Социалистическая собственность" — коллективная собственность номенклатуры» — так называется одна из частей известной книги М. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». «В социалистической собственности доли не покупаются и не продаются, — пишет Восленский. — Они достаются с включением в класс номенклатуры, увеличиваются или уменьшаются в зависимости от положения в иерархической структуре, а изгнание из номенклатуры знаменует собой лишение

изгнанного его доли. Ни в каком случае номенклатурщик не может получить на руки приходящуюся на него долю капитала. Но он регулярно получает поддающуюся в каждом случае довольно точному подсчету сумму материальных благ, которую можно сопоставить с выплатой дивидендов в капиталистическом мире»⁴.

В своей книге Восленский сосредоточил внимание на формах и способах получения номенклатурой своих доходов. И это не удивительно — предметом его исследования было «застойное» советское общество. Однако в период его кризиса и распада на первый план вышли особенности отношений собственности, которые хотя и были частично отмечены, но недостаточно раскрыты в этой работе. Между тем именно данные особенности обусловили, с одной стороны, крайне нервное поведение номенклатуры в период распада Системы, а с другой — характер общественного мнения и политической борьбы в этот период.

Эти особенности вытекали из самой специфики Системы как субстанции надличностной, которая стремилась полностью подчинить себе любого человека, превратиться в единственный источник, дающий каждому средства к существованию. Именно — каждому! Не только простым гражданам, влачившим жизнь «от полочки до полочки», но и членам номенклатурного сообщества. Ведь советская номенклатура выделялась отнюдь не по более высокой зарплате. Ее денежные доходы были более или менее сопоставимы со средними по стране. В то же время, если сравнивать зарплату советского управленца и западного специалиста аналогичной квалификации по их покупательной способности, то первый оказывался просто нищим.

На положение любого советского гражданина, в том числе и принадлежащего к номенклатуре, влиял ряд факторов. Стремясь полностью подчинить себе человека, Система монополизировала практически всю собственность в стране и стала фактически единственным работодателем. Кроме того, в виде заработной платы выдавалась только часть заработанного, лишь не намного превышавшая (или даже меньшая) суммы, необходимые для текущего потребления. Смысл такого положения достаточно подробно объяснялся в курсах политэкономии социализма. Там прямо указывалось, что часть необходимого продукта остается в распоряжении «общества», которое-де использует его гораздо более рационально во всеобщих интересах, обеспечивая своим членам бесплатно здравоохранения, образования, отдыха, доступа к культуре и т. п. Что из этого вышло на практике, всем известно. Но суть и этого, и иных приемов была в одном — сделать материально зависимым от Системы каждого человека. И если кто-либо вступал с ней в конфликт, он сразу же оказывался перед угрозой лишения элементарных средств к существованию.

Благодаря такому положению номенклатура не только управляла, но и сама была хорошо управляема. В идеале собственность Системы предполагает, что у каждого отдельного лица нет ничего своего, но Система в соответствии с заслугами перед ней готова дать ему все, положенное по рангу. Этот идеал воплощали «бессеребренники» вожди, вроде бы ничем не владевшие, но в то же время ни в чем не нуждавшиеся. До сих пор живут легенды о Сталине, якобы имевшем лишь шинель и френч, а позднее — мундир генералиссимуса. Но при этом Система, им руководимая, обеспечивала исполнение всех его прихотей и капризов. Не случайно в годы становления советского государства действовал «партмаксимум», декларирование для партийца жизни с минимумом средств для самостоятельного, неконтролируемого напрямую потребления. Все, что не укладывалось в эти рамки, должна была дать ему Система. А потому зависимость от нее становилась жизненно важной. На этой основе строилась вся пирамида номенклатурных привилегий, оказавшихся под огнем критики в годы перестройки. Таково было положение номенклатуры, с одной стороны, имевшей все, создавшей на территории нашей страны заповедники «сладкой жизни», о которой подавляющее

⁴ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991, с.177—178.

большинство населения не могло и мечтать, но которую нельзя было скрыть от посторонних глаз, горевших от зависти и ненависти, а с другой — юридически не обладавшей тем, чем пользовалась (по заслугам или нет — другой вопрос), и полностью зависевшей от лояльности Системы.

Конечно, сказать «не имевшей ничего своего» — значит сильно преувеличить «несчастья» номенклатуры. Годы застоя, а затем и перестройки были годами разложения Системы, когда взятки, казнокрадство или просто использование служебного положения в личных целях в номенклатурной среде стали, скорее, нормой, чем исключением. Росла и доля доходов, получаемых непосредственно в денежной форме. Уже при Сталине вошла в обиход практика получения «конвертов» с суммами, не предусмотренными официальной зарплатой. Да и многие особенности номенклатурной жизни, например возможность ездить за границу, способствовали быстрому росту личного благосостояния. Но все это — свидетельство именно разложения Системы.

Кроме того, сама практика получения доходов от собственности Системы была очень выгодна для представителей номенклатуры. Давая все преимущества от пользования ею, она в то же время освобождала от забот и расходов по ее содержанию и эксплуатации, от ответственности за ее сохранение и т. д. Издержки такой ситуации вышли на поверхность лишь при распаде Системы, но и сегодня эту практику номенклатура пытается сохранить.

Уповать на то, что Система полностью тебя обеспечит, можно лишь тогда, когда она надежна и стабильна. Если же появляются признаки разложения, а тем более распада, все гарантии становятся призрачными. Не поддающаяся описанию вакханалия чиновничества, бросившегося в последние годы в «номенклатурную прихватизацию», помимо всего прочего свидетельствует о том, что наш управленческий клан (в котором есть не только коммунисты-выдвиженцы, но и масса талантливых менеджеров) просто нищ. За долгие годы работы эти люди не смогли составить себе достойного собственного состояния, как то делали их западные коллеги, а довольствовались подачками Системы и теперь кинулись наверстывать упущенное, вполне резонно подводя «моральную базу» под свои действия: мы всю жизнь работали на Систему в надежде на обеспечение с ее стороны и теперь с ее крахом требуем достойную долю. В этой ситуации можно лишь пожалеть тех «идейных борцов» (а у нас, наверное, есть и такие), которые всегда придерживались строго установленных правил, надеясь на постоянство получаемых льгот и привилегий. Сегодня же, когда Система рухнула и старые «правила игры» не имеют цены, такие люди оказались в достаточно стесненной ситуации.

Но не только номенклатура пользовалась собственностью Системы, пользовались ею и простые граждане страны. Не осознав этого, мы не сможем оценить всю глубину опасности реставрации старого режима, степень социального дискомфорта, который испытывают сегодня миллионы людей. В каком-то весьма извращенном смысле собственность эта (особенно в годы заката Системы) действительно носила черты «общенародной».

Как известно, мы построили хозяйство вне рыночного типа, которому были органично свойственны внеэкономические стимулы к труду — прежде всего энтузиазм и страх. На первых порах этих стимулов вполне хватало. Часть общества на самом деле верила, что строит «светлое будущее» и в полном смысле слова не щадила себя на работе. Те же, кого идеалы социалистического строительства либо просто увлеченность конкретной научно-технической задачей не вдохновляли, понимали, что Система шутить не любит и всяческие попытки уклонения от трудовой повинности караются. Годы сталинского расцвета Системы — это годы трудового законодательства, санкционировавшего заключение в тюрьму за минуты опоздания на работу, расстрел за «три колоска», унесенные с колхозного поля, и т. п.

Время шло. Энтузиазма у строителей коммунизма становилось все меньше и меньше. Да и террор нельзя проводить до бесконечности. Системе требовались новые формы поддержания своего существования. Страх по-прежнему играл свою

роль, но, конечно, уменьшился по сравнению с предшествовавшими годами. И для того чтобы продлить свое существование, Системе пришлось начать делиться с народом частью узурпированного богатства страны. В оборот были введены идеи о необходимости материальных стимулов к труду. Жизнь показала, что Системе не продержаться, если не учитывать в перераспределительных процессах и фактор социальной стабильности, требовавший обеспечения основной массы населения не ниже определенного (пусть нищенского) уровня, который прямо не зависел от трудового вклада, но гарантировал спокойствие в стране.

Известно, что созданный за советский период производственный комплекс был, во-первых, крайне неэффективен, а во-вторых, структурно перекошен, нацелен в основном на обслуживание военных нужд и не мог справиться с новыми задачами. Для того чтобы спастись, не довести народ до полнейшего обнищания, Система усилила торговлю природными ресурсами в обмен на продовольствие, товары народного потребления, оборудование для их производства и т. п. Здесь, казалось бы, сама судьба была за нее. Начало эксплуатации тюменских нефтяных месторождений практически совпало с энергетическим кризисом на Западе, мировые цены на нефть резко подскочили, и 70-е годы для нашей страны стали годами поддержания благосостояния за счет нефтедолларов. В обычную практику превратились массовые закупки продовольствия за границей. Увеличился приток импортных товаров народного потребления, которые были намного предпочтительнее отечественных (хотя это были в основном товары из восточноевропейских социалистических государств, которые, кроме нашей страны, мало где пользовались спросом). Фактически Система оплачивала социально-политическую стабильность за счет будущих поколений. И все спокойно принимали эту плату. Но к началу 80-х годов изменения мировой конъюнктуры привели к тому, что эти возможности резко сократились. Сразу же напряжение стало нарастать и закономерно завершилось крахом режима.

Были и другие способы предоставления нам возможностей воспользоваться некоторыми плодами собственности Системы. Прежде всего через различные формы перераспределения валового национального продукта. Обыденной чертой советской экономической жизни стало такое явление, как «незаработанная заработная плата». В наиболее общем виде это проявилось в опережающем росте оплаты труда по отношению к его конечному результату⁵. Такие способы получения незаработанного дохода, как, например, завышение объемов выполненных работ, были, скорее, нормой, а не исключением из правил. И попадались на приписках либо явно потерявшие всякое чувство меры, либо по каким-то причинам вошедшие в конфликт с начальством, т. е. с представителем Системы, стоявшем на более высоком иерархическом уровне. В целом же это была общепринятая практика, обеспечивавшая поддержание социальной стабильности. Сегодня нет нужды доказывать крайнее убожество существенной части наших производств, технологии которых не изменились со времен первых пятилеток. Отсюда — высокая доля тяжелого, малоквалифицированного, очень низкопроизводительного труда. Работа на непрестижных, непривлекательных местах (а таких мест у нас много, и вакансии здесь до сих пор постоянны), как правило, оплачивалась выше, чем должна бы быть оцененной с экономической точки зрения. Повсеместной практикой стали фактическое завышение квалификации работника, занижение норм выработки, широкое использование разного рода доплат и премиальных выплат. Сегодня это удастся сохранить далеко не везде. Не удивительно поэтому, что идеи возвращения в «светлое социалистическое вчера» находят своих сторонников среди работников неквалифицированного труда.

Система осуществляла перераспределение доходов общества в пользу отраслей, в наибольшей мере обслуживавших ее мощь, т. е. военно-промышленного комплекса. В этих отраслях сосредоточились носители наиболее высокой

⁵ См., например, Ракитский Б. В., Шохин А. Н. Закономерности формирования и реализации трудовых доходов при социализме, М., 1987.

квалификации, труд которых, естественно, должен оплачиваться выше. Но общеизвестно, что одна и та же работа идентичной квалификации по-разному оплачивалась даже на двух расположенных рядом заводах, если один из них обслуживал «оборонку», а другой — нет. Работники оборонных предприятий имели и массу иных привилегий (например роскошные дома отдыха, санатории, пионерские лагеря), для них гораздо доступнее, чем для прочих граждан, были многие выплаты из так называемых «общественных фондов потребления». Намного больше шансов, чем на других предприятиях, было у них на получение квартиры, а также на покупку дефицитной бытовой техники, мебели, автомобиля, да и просто продуктов питания. Сегодня об этих особенностях «общества дефицита» стали забывать, хотя жили в нем еще вчера и это была немаловажная часть нашей повседневности. Свертывание этой практики, более того, особые тяготы, обрушившиеся на военные заводы в связи с резким падением производства, прекращение старой перераспределительной практики не могут не вызвать у представителей данной группы россиян раздражения по отношению ко всем реформаторским усилиям.

Можно привести и другие примеры перераспределительных манипуляций, позволявших перемещать совокупный доход общества в пользу различных групп. Банальностями жизни являлись, например, постоянные корректировки планов в сторону снижения с последующим получением премий за выполнение (или перевыполнение) скорректированного плана или оплата простоев и т. п. Все это привычно входило в нашу жизнь. Но суть процессов видится в том, что Система выплачивала рядовым своим членам некую минимальную мзду, приглушая зреющее недовольство. И будем честны: это вполне удавалось.

Один из мощнейших каналов перераспределения — дотации сельскому хозяйству. Не отрицая важности поддержки сельскохозяйственного производителя, нельзя не видеть, что тот способ перераспределения доходов от собственности Системы в пользу аграрного сектора и отраслей, его обслуживавших, который получил распространение у нас в стране, лишь вел к консервации технико-экономической отсталости. Это также была своего рода плата Системы за социальную стабильность, позволявшая многим людям не слишком напрягаясь существовать на уровне неких средних стандартов (правда, приемлемых в качестве таковых, наверное, лишь в России). Перераспределение доходов в рамках собственности Системы не только привело к деградации отечественного села, но и сделало это состояние привычным. И сегодня, когда жизненно необходимыми стали пересмотр устоявшихся традиций, выработка новых форм поддержки, направленных прежде всего на резкий рост эффективности производства, не только руководители аграрной отрасли, но и масса рядовых ее работников встречают нововведения без всякого энтузиазма, а нередко и с прямой враждебностью. Долгие годы они пользовались частью собственности Системы и теперь (пусть бессознательно) заинтересованы в ее защите. Отсюда — традиционные успехи партий и движений коммунистической ориентации в сельской местности.

Этим же объясняются устойчивые стереотипы аграрных руководителей типа вице-преьера А. Заверюхи, давшего в беседе с журналистами в кулуарах проходившего в феврале 1994 года съезда АККОР «историческое» обоснование своих подходов к реформированию аграрного сектора: «Государство будет вечным должником крестьян за все репрессии и коллективизации»⁶. Такая позиция очень распространена, но, думается, она была бы оправданной в условиях 50—60-х годов. Ведь за 20 лет (с середины 60-х годов) наше сельское хозяйство поглотило огромные средства, доходившие до триллиона тогдашних рублей. Однако это не уберегло его от дальнейшей деградации.

Проблема не в том, чтобы добиваться увеличения «вала» помощи, с одной стороны, или ее полного прекращения — с другой, а в том, чтобы кардинально

⁶ См. Ланцман М. Аграрии подозревают правительство в недостатке патриотизме. «Сегодня», 17 февраля 1994.

переработать сам механизм поддержки сельских производителей, порвать с теми формами, которые были связаны с существованием в стране собственности Системы. Важно, чтобы сильная для государства поддержка попала именно к тем, кто способен эффективно трудиться на селе, а не растворялась в не способных к самостоятельному выживанию хозяйствах или в привыкших «отсасывать» целевые дотации структурах. (Ныне к ним добавились и банковские структуры, делающие большие деньги на обороте отпущенных государством, но не дошедших до адресата дотационных сумм.)

Наряду с отраслевыми потоками перераспределения доходов в рамках собственности Системы можно выделить и индивидуальные ручейки такого перераспределения. Они вплетались в жизнь советского человека в достаточно причудливых формах. Например, в годы застоя поистине массовым явлением стали «несуны». Этому повседневному факту нашей жизни уделялось внимание и в статистических выкладках, и на разного рода совещаниях, и в произведениях сатириков. Явление «обличали», с ним «боролись», но как-то вяло. Недостаточность принимаемых мер была очевидна не только «несущим», но и всем окружающим. А ведь в целом по стране масштабы совершаемых «несунами» мелких хищений были огромны. Кстати, широко рекламируемые в годы перестройки успехи личных подсобных хозяйств во многом опирались на подспорье, получаемое благодаря «несунам» (например откармливание скота кормом, принесенным с «родной» фермы, использование принесенных «с работы» разного рода материалов, эксплуатирование казенного транспорта и т. п.). У лиц, в пользовании которых оказывался государственный автотранспорт, сложилась устойчивая традиция извлечения из него доходов в свою пользу (левые рейсы) или применения его для личных нужд (поездки, включая членов семей, по личным делам и т. п.). Здесь изобретательность советского человека не знала предела. До сих пор через дыры в заборах российских предприятий можно вынести все, что угодно. И тот жалкий эффект от поимки нескольких «расхитителей социалистической собственности», которым обычно оканчивалась очередная кампания по борьбе с «несунами», не идет ни в какое сравнение с масштабами потерь.

Причину происходящего наши ученые и политики, особенно в период перестройки, пытались вывести из ситуации «ничейности государственной (общественной) собственности», откуда вытекал тезис о необходимости собственности частной. Но думается, что в данном случае мы имеем дело со свидетельством не «ничейности» собственности, а с одним из видов перераспределительных процессов в рамках собственности Системы. Фактически закрывая глаза на явные нарушения закона, Система достигала определенного снятия социального напряжения, канализировала активность достаточно широких слоев в определенном направлении. Напомним также, что в значительном числе отраслей, особенно подверженных этой «болезни», официальная заработная плата была на достаточно низком уровне. Руководство исходило из того, что там «все равно украдут».

Ярким примером могут служить таксисты. Это была одна из самых прибыльных и престижных профессий. Но отнюдь не официальная зарплата таксиста обеспечивала ее привлекательность, а возможность использования государственной машины в собственных интересах. Здесь существовала масса способов, и никакие рейды и проверки ни к чему не приводили. Интересно также, что в перераспределительную цепочку включались все службы таксопарка, методично собиравшие с таксистов свою «долю», начиная с диспетчеров, выпускающих на линию, контролеров и слесарей и кончая начальниками, от которых зависело, например, получение новой машины. Все это можно свести в устойчивую совокупность отношений по поводу пользования тем или иным имуществом Системы. Такое положение было возможно как раз потому, что таксопарк не функционировал в режиме государственной собственности, предполагающем четкие меры экономической ответственности. Для собственности же Системы ответственность за пользование ею сосредоточивались в основном не в эко-

номической, а в политической и идеологической сферах. Это и порождало специфичность соответствующих отношений.

В целом можно сказать, что годы советской власти породили множество механизмов извлечения доходов из собственности Системы. И их получателями была отнюдь не только номенклатура, но и самые широкие общественные слои. Отличительная черта такого рода доходов лежит в их перераспределительной природе, создававшей разного рода привилегированные категории либо позволявшей относительно сносно существовать при минимальном эффекте от личного трудового вклада. Поэтому с распадом Системы потеряла отнюдь не только номенклатура. (Она, кстати, благодаря своему положению первой и очень азартно включилась в процесс растаскивания распавшейся собственности Системы.) Но очень важно учитывать, что потери понесли и широкие слои населения, что создает основу для протестов против изменения привычных порядков.

Кроме того, у большинства сложились привычные стереотипы так называемых «социальных гарантий», предоставлявшихся Системой за счет своей собственности. И сегодня исчезновение этих гарантий, неопределенность с их полноценной заменой порождают особое беспокойство у людей, труд которых долгие десятилетия оплачивался Системой не в полной мере при одновременном гарантировании больших или меньших льгот для организации отдыха, в случае болезни, для получения образования, жилья и т. п. В сложившейся ситуации такая озабоченность понятна, и ее нельзя игнорировать. Многочисленные эмоциональные выступления в защиту государственной собственности как гаранта получения определенных социальных благ, думается, на деле отражают естественное беспокойство, связанное с утратой привычных распределительных механизмов пользования собственностью Системы. Однако это не означает, что с государственной собственностью нет своих проблем.

Собственность — «ничья» или государственная?

Целый ряд способов присвоения, характерных для собственности Системы, создал иллюзию ее «ничейности». В то же время, поскольку эта собственность в общепринятых толкованиях выступала как государственная, с легкостью возник лозунг: «Государственное — значит ничье. Да здравствует частная собственность!».

Здесь, думается, была допущена огромная ошибка, за которую сегодня нам приходится дорого платить. Суть процессов, с обвальной скоростью развернувшихся в 1989—1991 годах, можно определить как распад Системы⁷. Соответственно, начался и распад ее собственности. Но проходил он в условиях, когда эта собственность на поверхности выступала как «государственная». Общественное мнение, равно как и официальные структуры, в тот период вместо того чтобы попытаться укрепить государственную собственность, придать ей черты именно государственной, сконцентрировались на проблемах преимуществ частной собственности. В результате же как раз в этот период в ходе распада Системы ее собственность действительно стала «ничьей».

Именно в это время стали создаваться бесчисленные акционерные общества, совместные предприятия, товарищества с ограниченной ответственностью и т. д., работники которых (прежде всего руководство) стали фактически присваивать находившиеся в их распоряжении материальные и прочие ценности. Вступившие тогда в силу законодательные акты, начиная с Закона о предприятии, принятого в 1987 году, декларировали принципы предоставления большей самостоятельности непосредственным субъектам хозяйственной деятельности. Но на практике мы получили перехват администраторами нижних эшелонов аппарата

⁷ Для нас этот распад означал и распад государственности, ибо крушение «партии-государства» означало крушение всей государственной машины. И, думается, основная причина нынешнего экономического кризиса кроется именно здесь. Это очень болезненный, но, к сожалению, неизбежный этап перехода от одной общественно-экономической системы к другой.² Общественные науки и современность, № 4

практически всех полномочий собственника при отсутствии в законодательстве гарантий их ответственности за результаты деятельности.

Были размыты такие основные понятия, как владение, распоряжение и пользование собственностью; четкие права и ответственность как непосредственных пользователей государственным имуществом, так и конкретных государственных структур перед ними. Об эффективности использования государственных средств именно как средств государства уже не было речи, акценты сместились в сторону того, кто должен извлекать больше выгод из работы предприятия - трудовой коллектив или его администрация. Естественно, на практике верх обычно одерживает администрация. Все происходившее не противоречило законодательству, потому что в стране не было законов, защищавших государственную собственность как таковую. Их заменил лозунг «Ничто не запрещено, если на то нет указаний в законе».

Законодательство, рассчитанное на охрану собственности Системы, в новых условиях не действовало. Сложилась ситуация, когда собственность приобрела размытые, «ничейные» черты: с одной стороны, она не является частной, а с другой — это фактически и не государственная собственность. Как следствие сегодня привычными стали директора предприятий, определившие собственные оклады в миллионы рублей, тратящие огромные средства на представительские расходы, на поездки за границу, в то время как оказавшееся в их ведении предприятие влечет жалкое существование: рабочие постоянно отправляются в вынужденные отпуска, продукция не покупается, не идет поиск ни новых выгодных поставщиков, ни новых покупателей, не осуществляется внедрение новых технологий и т. д.

Состояние хаоса, связанное с «ничейностью» подавляющей части собственности развалившейся Системы, усугубляется тем, что государственные чиновники в большинстве случаев руководствуются стереотипами, оставшимися от долгих лет практики управления собственностью Системы. В результате жизненно необходимые меры по становлению подлинно государственной собственности подменяются неловкими шагами традиционалистского плана, как правило, направленными на ущемление собственности частной. Это делает уязвимым и непрочным положение частных собственников, а тем более частных арендаторов государственного имущества.

Ведь собственность Системы не приемлет соседства с собственностью частной, основное ее кредо — монопольное распоряжение всеми ресурсами. Это кредо по-прежнему живо в чиновничьей среде. Практически каждый день мы сталкиваемся с решениями, напрямую затрагивающими частных собственников, интересы которых беззастенчиво и незаконно попираются в угоду соображениям «высшей государственной целесообразности» (яркий пример — получившая широкий резонанс в начале 1994 года попытка второго выселения Дома российской прессы из помещений, официально, с соблюдением всех правовых формальностей переданных ему в долгосрочную аренду). Такие факты не могут не порождать чувств нестабильности, настороженности у частных собственников (как отечественных, так и зарубежных), являются мощнейшим аргументом против инвестирования капиталов в экономику страны.

Думается, в нынешнее переходное время самую большую опасность представляет консервация состояния «ничейности» бывшей собственности Системы. Это относится не только к собственности, считающейся государственной, но и во многом к прошедшей процедуру приватизации акционированной собственности. А опасность такая есть, потому что состояние «ничейности» приносит огромные выгоды ее непосредственным пользователям.

Наиболее выгодно оно номенклатурным кругам. Рядовые граждане от такой ситуации выгоды получают значительно меньше (исключения составляют остатки традиционных для собственности Системы способов отраслевых перераспределений средств и случаи «индивидуального» мелкого расхищения этой собственности и использования так и не ставших государственными средств в своих

целях)⁸. Многим же представителям номенклатуры выгодно как можно дольше продлить состояние «ничейности» собственности, хаоса в данной сфере. Это позволяет не только переоформлять собственность в свою пользу, но и продолжать бесконтрольно пользоваться той собственностью, которая раньше принадлежала Системе, а сегодня еще так и не стала государственной. Выгоды эти прежде всего связаны с тем, что все издержки за нерациональное пользование ею несет государство, точнее — налогоплательщики, а прибыль может быть присвоена частным лицом.

Огромные деньги по-прежнему тратятся на представительство, на обеспечение себя машинами, дачами и т. п. либо за счет казны, либо за счет средств вновь созданных акционерных обществ, на деле пока так и не ставших частными, а продолжающих активно требовать поддержки у государства. Это позволяет не только переложить существенную часть личных расходов на плечи государства, но и избежать трат, связанных с поддержанием собственности в нормальном состоянии с налогообложением личных доходов. Здесь в новой форме проявляется старый тезис, пришедший из времен собственности Системы — «своего у меня ничего нет». И это пытаются внушить, печатая в ходе предвыборных кампаний «декларации о доходах», не указывая в них те блага, которые традиционно продолжают черпаться из казны или из «частных» источников. При этом на сегодняшний день нет нового механизма ответственности за расходованием средств со стороны чиновничества, с одной стороны, а с другой — утрачен и старый партийно-идеологический механизм ответственности, входивший в собственность Системы. Такая ситуация не может быть невыгодной чиновничеству и директорату, а также стоящим рядом с ними лицам, освоившим каналы перекачки богатств страны в свою пользу. И надо быть готовым к тому, что эти силы постараются удержать такую ситуацию сколь возможно долго.

Думается, именно тем, что к 1992 году сложились условия, когда собственность Системы распалась и превратилась в «ничью», объясняется специфика российской приватизации. С одной стороны, исчезновение старого собственника способствовало тому, что несмотря на весь накопленный десятилетиями ворох предрассудков приватизация в стране началась достаточно быстро и энергично. Но с другой стороны, теми же причинами, по сути, обусловлены и формы приватизационных процессов, столь много и справедливо критикуемые как прессой, так и научным сообществом. Лозунг быстрее перехода к частной собственности, призывы к «обвальной приватизации» в итоге привели просто к присвоению материальных ценностей лицами, которые не брали никаких обязательств перед обществом за полученный «подарок». И сегодня мы видим массу «собственников», не способных наладить свое дело и беспрестанно взывающих к помощи того же государства. Потому что на деле у нас во многом происходили не приватизация, не передача собственности от государства частным лицам под жестким контролем и на определенных условиях, а практически бесконтрольное растаскивание ставшей «ничьей» собственности Системы.

Беда от такого положения не в том, что собственность переходит в частные руки. Частный сектор стране жизненно необходим, и можно лишь приветствовать (и поддерживать) тех новых владельцев приватизированного имущества, которые наладят его эффективное использование на частнособственнических принципах. Это в итоге принесет пользу и им самим, и всей стране. Но сегодня есть существенная опасность того, что появившаяся у нас масса псевдособственников, не способных рационально распоряжаться оказавшимся у них богатством, попытается на как можно более длительный срок продлить такое состояние, при котором можно будет переключать плату за собственную бесхозяйственность на других.

⁸ Напомню, что родовые граждане приобщались к доходам от собственности Системы, получая их как своеобразную плату за социальную стабильность. Сейчас этот мотив отпал, ибо самой Системы больше нет.

Этими «другими», естественно, выступают не только новое российское государство, но и все наше общество, платящее за поддержание фактически обанкротившихся производств огромный инфляционный налог.

Осознавая важность процессов приватизации, нельзя при этом не учитывать, что значительная часть собственности не только сегодня числится в распоряжении государства, но и завтра останется таковой. И на сегодняшний день не менее важным, чем приватизация, представляется процесс становления и утверждения в стране государственной собственности. Ведь вряд ли реальна в обозримом будущем реализация призывов сторонников крайнего либерализма к полному уходу государства из производственной сферы. Значит, нужна государственная собственность, которая могла бы полноценно функционировать в рыночных условиях, выгоды от эффективного использования которой в соответствии с законодательством распределялись бы между государством и непосредственным пользователем, а не присваивались бесконтрольно лишь последним. Должна быть установлена четкая мера прав и ответственности как государственных институтов, так и администрации и трудовых коллективов государственных предприятий в рыночных условиях.

Поэтому представляется, что сегодня важнейшей задачей является не только приватизация, но и обретение «ничейной» собственностью статуса подлинно государственной. Критерием, по которому можно было бы судить о таких преобразованиях, является установление четкой меры прав и ответственности как органов государственного управления, так и непосредственных руководителей предприятий по рациональному функционированию объектов собственности. Это, кстати, отнюдь не противоречит задачам приватизации. Напротив, четко прописанные права и обязанности по поводу государственной собственности сразу поставят в повестку дня вопрос о сокращении числа ее объектов до пределов, которые государство способно удержать за собой без ущерба для экономики. Пропадет желание оставлять за государством контрольные пакеты большинства акционерных обществ, если это окажется сопряженным с обязательной необходимостью покрытия из казны убытков, связанных с неэффективным хозяйствованием. Это раскроет новые горизонты в приватизации. И, думается, процессы приватизации и становления государственной собственности могли бы стать взаимодополняющими факторами преодоления того опасного состояния экономики, которое связано с господством собственности «ничейной».

Важнейшим шагом на этом пути должно стать правовое урегулирование вопроса об ответственности руководителей предприятий — управляющих чужой собственностью (и государственных, и частных, и акционерных обществ). Здесь в нашем законодательстве по-прежнему огромная брешь, позволяющая неэффективным или не слишком честным менеджерам перекладывать издержки своего управления на других. На практике этим «другим», как правило, оказывается сегодня государственная казна.

Уже есть признаки того, что с опозданием делаются попытки как-то исправить сложившееся положение и начать конструирование в стране государственной собственности. В мае 1994 года в пакете экономических указов Президента проявилась тенденция к становлению «казенных» предприятий. Романтики либерализации обычно усматривают в таких шагах наступление на демократические права. Думается, однако, здесь перед нами попытка укрепления в стране более организованных и эффективных методов ведения хозяйства. Однако одновременно нельзя не отметить и подстерегающую нас на этом пути опасность, впрочем, типичную для переходного периода. Шаги по становлению государственной собственности предпринимаются людьми, привыкшими оперировать с собственностью Системы, и эти старые привычки они нередко пытаются применить в новых условиях. А такая подмена никаких положительных результатов дать не может, ибо все, что связано с собственностью Системы, не может функционировать в условиях плюрализма форм собственности.

Если мы хотим в результате реформ получить рыночную экономику, важно не только всячески поощрять развитие частного сектора, осуществлять приватизацию. Не менее важно придать цивилизованные черты и государственной собственности. Но для этого ее нужно прежде всего создать. А чтобы приступить к такому созиданию, важно осознание того факта, что собственность, долгие годы называвшаяся у нас «государственной», на самом деле таковой не является. Появление же на ее месте «ничейной» собственности, осложненной рудиментами старых отношений, как показывает практика, чревато всплесками социально-политической напряженности. Поэтому переход к подлинно государственной собственности жизненно необходим как в экономической сфере, так и для создания более благоприятного общественно-политического климата в стране.

© Н. Плискевич, 1995